

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

О.А. КИСЛИЦЫНА

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ: ПРИЧИНЫ И СВЯЗЬ СО ЗДОРОВЬЕМ

Статья посвящена выявлению наиболее экономически незащищенных групп работающих россиян и оценке связи экономической незащищенности с их физическим и психическим здоровьем. Экономическая незащищенность определяется как состояние неопределенности и непредсказуемости в отношении занятости и финансового благополучия и измеряется посредством таких показателей, как воспринимаемые населением ненадежность занятости, невозможность трудоустройства и финансовая незащищенность. Информационной основой исследования являются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья, раунда 2019 г. Статистический анализ проведен с помощью моделей логистической регрессии пакета SPSS.

Ключевые слова: экономическая незащищенность, ненадежность работы, невозможность трудоустройства, финансовая незащищенность, самооценка здоровья, депрессия, факторы, РМЭЗ.

JEL: I1, J2, C21.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_3_32_51.

Введение

Еще до того как объявленная ВОЗ в марте 2020 г. пандемия Covid-19 обрушила мировую экономику, проблема экономической незащищенности населения усугублялась во многих странах, в том числе и в России. В литературе не существует единого мнения о том, как определить и измерить экономическую незащищенность [32; 35; 36]. Например, Осберг [31] определяет ее как «беспокойство, вызванное отсутствием экономической безопасности, т. е. невозможностью получить защиту от субъективно значимых потенциальных экономических потерь». В соответствии с определением Боссерт и Д'Амброзио [5] экономическая незащищенность представляет «беспокойство, вызванное

возможным воздействием неблагоприятных экономических событий и ожиданием трудностей восстановления после них». Согласно определению ООН [43], «экономическая незащищенность возникает из-за того, что отдельные лица, сообщества и страны подвержены неблагоприятным событиям и не способны справиться и оправиться от последствий этих событий». Концепция экономической незащищенности отличается от материальной депривации. В то время как депривация заключается в текущей нехватке основных ресурсов для выживания, экономическая незащищенность, скорее, отражает нестабильность экономической ситуации [35] и связана с ожиданием будущего [36]. Примеры экономической незащищенности могут включать страх безработицы или ожидание ухудшения финансового положения [21].

Исследования последних десятилетий убедительно доказывают негативные последствия экономических рисков для здоровья. Например, хорошо известно, что безработица, нестабильная занятость, низкий уровень доходов способствуют ряду психологических и физиологических проблем. Однако влияние экономической незащищенности, страха безработицы или ожидаемых финансовых трудностей на здоровье недостаточно изучено. Немногочисленные исследования в этой области показывают, что экономическая незащищенность может привести к физической боли [10], повышенному риску развития различных заболеваний, таких как психические расстройства [8; 20; 21], ожирение [39; 45].

Большая часть этих исследований сосредоточена в относительно благополучных странах. В то же время мало что известно о влиянии экономической незащищенности на здоровье населения в Центральной и Восточной Европе, особенно в странах бывшего Советского Союза, таких как Россия. Кроме того, исследования, посвященного определению групп работников, особенно уязвимых к экономической незащищенности, очень немногочисленны, а полученные результаты противоречивы.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить наиболее экономически незащищенные группы работающих россиян и оценить воздействие экономической незащищенности на их физическое и психическое здоровье. При этом экономическая незащищенность в этом исследовании определяется как состояние неопределенности и непредсказуемости в отношении занятости и финансового благополучия.

Информационная база и методы исследования

Исследование было проведено автором на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья (РМЭЗ или RLMS), раунда 2019 г. [1]. В целом обследование включало 12 123 человек. Для дальнейшего анализа были отобраны работающие респон-

денты в возрасте 25–65 лет, ответившие на вопросы, касающиеся экономической незащищенности (всего 3340 человек).

Экономическая незащищенность рассматривается и оценивается в двух аспектах: как незащищенность занятости, и как финансовая незащищенность.

Информация о незащищенности занятости была получена в рамках ответов на два вопроса. Первый имеет отношение к воспринимаемой субъективно ненадежности работы, измеряемой беспокойством по поводу ее потери. Респондентов спросили: «Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу?». Ответившие «очень беспокоит» или «немного беспокоит» отнесены к категории тех, кто рассматривает свою работу как ненадежную, тогда как те, кто ответил «и да, и нет», «не очень беспокоит» и «совсем не беспокоит», отнесены к тем, кто оценивает свою работу как надежную. Второй вопрос касался цены потери работы, измеряемой субъективной оценкой вероятности найти новую работу. Участникам обследования предложили ответить на вопрос: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где Вы работаете, по каким-то причинам завтра закрывается, и все работники будут уволены. Насколько Вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?» Ответившие «не очень уверены» и «совсем не уверены» были отнесены к тем, кто допускает невозможность трудоустройства, ответившие «полностью уверен», «скорее уверен» или «и да, и нет», рассматривались как недопускающие невозможность трудоустройства.

Показатель финансовой незащищенности формируется на основании ожиданий людей относительно их финансового положения в течение следующих двенадцати месяцев. Респонденты, указавшие, что они ожидают ухудшения своего финансового положения («будем жить намного хуже» и «будем жить немного хуже»), отнесены к группе финансово незащищенных. Остальные («будем жить намного лучше», «будем жить немного лучше», «ничего не изменится») рассматривались как финансово защищенные.

Для оценки индивидуального здоровья участников обследования были выбраны несколько индикаторов: самооценка здоровья, измеренная по пятибалльной шкале (где оценка 1 представляла очень плохое здоровье, а оценка 5 – очень хорошее), дихотомизированная как плохое (оценки 1 и 2) и неплохое (оценки 3, 4, 5) здоровье; а также наличие психических расстройств, информация о которых была получена из ответа на вопрос о том, были ли у респондентов серьезные нервные расстройства, депрессии в течение последних 12 месяцев. Ответившие утвердительно были категоризованы как имеющие психические расстройства.

В модель включен широкий спектр контрольных переменных: демографические характеристики (пол; возраст (25–29; 30–39; 40–49;

50–59; 60 и старше)); социально-экономические факторы (наличие детей; семейное положение (состоящие в браке или одинокие); уровень образования (низшее, среднее и высшее); самооценка материального положения, измеренная по 9-бальной шкале (1 – очень бедные, 9 – очень богатые); тип поселения (проживающие в областных центрах, городах и селах)); факторы, связанные с работой (наличие дополнительной работы; отрасль экономики, в которой занят респондент (образование, наука, культура, здравоохранение, социальное обслуживание; промышленность; строительство, транспорт, с/х, ЖКХ; органы управления, безопасности, армия, МВД; торговля, бытовое обслуживание; другое (СМИ, издательство, печать, телекоммуникации; IT-технологии и т. д.); профессиональная группа (высококвалифицированные белые воротнички; белые воротнички средней и низкой квалификации; работники торговли и бытового обслуживания; квалифицированные рабочие; неквалифицированные рабочие); тип предприятия (государственное или негосударственное); продолжительность рабочей недели (менее 40, 40, более 40 часов в неделю)).

Статистический анализ проведен с помощью моделей логистической регрессии пакета SPSS. Для того чтобы выявить наиболее экономически незащищенные группы работающих россиян, для каждого аспекта экономической незащищенности были построены отдельные модели, оценивающие влияние демографических, социально-экономических факторов и характеристик, связанных с работой (см. табл. 1). Для анализа связи между разными аспектами экономической незащищенности и здоровьем было построено несколько моделей: модель 1 – с поправкой на демографические факторы (пол и возраст); модель 2 – с поправкой на демографические и социально-экономические факторы (семейное положение, наличие детей, образование, материальное положение, тип поселения); модель 3 – с поправкой на демографические, социально-экономические и связанные с работой факторы (наличие дополнительной работы, отрасль, профессиональная группа, продолжительность рабочей недели, тип предприятия) (см. табл. 2).

Результаты исследования

Проведенное исследование показало, что 3,2% участников обследования жалуются на плохое и очень плохое здоровье, еще 6,1% имеют нервные расстройства и страдают от депрессии. Значительная часть респондентов сообщает о своей экономической незащищенности, рассматривая ее в различных аспектах: так, 62,2% указывают на ненадежность работы, 42,7% не уверены в том, что смогут найти новую работу в случае утраты старой, 12,7% испытывают тревогу по поводу своего финансового положения в следующие 12 месяцев.

Таблица 1

Риск различных аспектов экономической незащищенности в зависимости от демографических, социально-экономических характеристик и факторов, связанных с работой (отношения шансов (ОШ) логистической регрессии с 95%-ыми доверительными интервалами (ДИ))

		%	Ненадежность работы	Невозможность трудоустройства	Финансовая защищенность
Пол	Мужчины	47,5	1,03 (0,85–1,24)	0,93 (0,77–1,12)	0,90 (0,68–1,19)
	Женщины	52,5	1	1	1
Возраст	25–29	10,0	1	1	1
	30–39	30,0	0,75 (0,56–1,00)*	0,95 (0,70–1,30)	1,34 (0,81–2,21)
	40–49	29,1	0,88 (0,65–1,19)	1,28 (0,94–1,75)	1,48 (0,89–2,46)
	50–59	22,9	0,75 (0,55–1,03)	2,13 (1,54–2,95)***	1,81 (1,08–3,04)*
	60 и старше	8,0	0,64 (0,44–0,94)**	3,82 (2,57–5,67)***	2,19 (1,21–3,95)**
Семейное положение	Одинокие	27,8	0,86 (0,72–1,03)	1,06 (0,88–1,28)	0,95 (0,72–1,24)
	Состоят в браке	72,2	1	1	1
Наличие детей	Есть	80,7	1	1	1
	Нет	19,3	0,91 (0,73–1,14)	0,71 (0,56–0,89)**	0,90 (0,64–1,27)
Образование	Низшее	36,4	1,24 (1,00–1,55)*	1,35 (1,07–1,70)*	0,86 (0,61–1,21)
	Среднее	26,6	1,12 (0,90–1,38)	1,28 (1,03–1,58)*	1,10 (0,80–1,51)
	Высшее	37,0	1	1	1

Продолжение табл. 1

		%	Ненадежность работы	Невозможность трудоустройства	Финансовая защищенность
Материальное положение	Материальное положение (1 – очень бедные, 9 – очень богатые)	среднее 4,19 (СО = 1,3)	0,81 (0,76–0,86)***	0,79 (0,74–0,84)***	0,54 (0,49–0,59)***
	Областной центр	44,2	1	1	1
Тип поселения	Город	29,3	1,66 (1,38–1,99)***	1,27 (1,05–1,53)*	0,94 (0,72–1,23)
	Село	26,5	1,79 (1,47–2,18)***	2,42 (1,99–2,96)***	0,76 (0,56–1,04)
Отрасль	Промышленность	20,5	1,27 (0,97–1,67)	2,01 (1,52–2,65)***	1,66 (1,11–2,48)*
	Строительство, транспорт, с/х, ЖКХ	22,3	1,09 (0,83–1,43)	1,36 (1,03–1,79)*	1,15 (0,76–1,75)
	Орг. управления, безопасности, армия, МВД	11,3	1,15 (0,86–1,53)	1,55 (1,15–2,08)**	1,40 (0,91–2,17)
	Торговля, бытовое обслуживание	18,4	1,20 (0,90–1,61)	1,52 (1,12–2,05)**	1,16 (0,75–1,79)
Другое	Другое	4,8	0,98 (0,66–1,46)	1,86 (1,23–2,83)*	0,99 (0,54–1,85)
	Образование, наука, культура, здравоохранение, социальное обслуживание	22,6	1	1	1

Окончание табл. 1

		%	Неадекватность работы	Невозможность трудоустройства	Финансовая защищенность
Профессиональная группа	Белые воротнички средней и низкой квалификации	25,8	1,04 (0,84–1,30)	0,97 (0,78–1,22)	0,62 (0,44–0,87)**
	Работники торговли и бытового обслуживания	15,6	0,85 (0,64–1,14)	0,86 (0,64–1,16)	0,54 (0,35–0,84)**
	Квалифицированные рабочие	25,5	0,71 (0,54–0,94)*	0,68 (0,51–0,90)**	0,61 (0,40–0,92)**
	Неквалифицированные рабочие	7,3	0,94 (0,65–1,36)	0,67 (0,46–0,96)*	0,62 (0,37–1,04)
Продолжительность рабочей недели	Высококвалифицированные белые воротнички	25,8	1	1	1
	Менее 40 часов	16,4	0,70 (0,55–0,88)**	0,87 (0,69–1,10)	1,00 (0,70–1,44)
	40 часов	45,5	1	1	1
Тип предприятия	Более 40 часов	38,1	0,80 (0,67–0,95)*	0,74 (0,62–0,89)**	1,70 (1,31–2,19)***
	Государственное	44,8	0,91 (0,75–1,10)	1,07 (0,88–1,30)	0,87 (0,65–1,15)
Наличие доп. работы	Негосударственное	55,2	1	1	1
	Нет	3,6	1,62 (1,09–2,41)*	1,41 (0,92–2,17)	1,65 (0,81–3,36)
	Есть	96,4	1	1	1

Примечание: значимость ***P < 0,001; **P < 0,005; *P < 0,05.

Источник: рассчитано автором.

Таблица 2

Риск плохого здоровья и психических расстройств в зависимости от различных аспектов экономической незащищенности (отношения шансов (ОШ) логистической регрессии с 95%-ыми доверительными интервалами (ДИ))

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Здоровье			
Ненадежность работы			
Не беспокоит	1	1	1
И да, и нет	1,30 (0,66–2,58)	1,31 (0,66–2,60)	1,15 (0,56–2,36)
Беспокоит	1,37 (0,83–2,27)	1,20 (0,72–2,00)	1,20 (0,72–2,02)
Невозможность трудоустройства			
Уверен	1	1	1
И да, и нет	1,05 (0,59–1,86)	1,02 (0,57–1,81)	1,12 (0,62–2,03)
Не уверен	1,03 (0,65–1,64)	0,87 (0,54–1,39)	0,90 (0,55–1,48)
Финансовая незащищенность			
Улучшится	1	1	1
Не изменится	1,05 (0,60–1,81)	0,88 (0,50–1,54)	0,89 (0,50–1,60)
Ухудшится	2,96 (1,62–5,42)***	2,09 (1,10–3,99)*	2,24 (1,15–4,36)*
Психические расстройства			
Ненадежность работы			
Не беспокоит	1	1	1
И да, и нет	1,02 (0,57–1,82)	1,00 (0,56–1,78)	0,99 (0,55–1,78)
Беспокоит	1,91 (1,28–2,84)***	1,80 (1,20–2,69)**	1,84 (1,22–2,76)**
Невозможность трудоустройства			
Уверен	1	1	1
И да, и нет	1,26 (0,83–1,93)	1,27 (0,83–1,96)	1,40 (0,90–2,17)
Не уверен	1,60 (1,15–2,29)**	1,60 (1,12–2,29)**	1,63 (1,13–2,35)**
Финансовая незащищенность			
Улучшится	1	1	1
Не изменится	1,28 (0,89–1,84)	1,28 (0,88–1,86)	1,27 (0,86–1,87)
Ухудшится	1,33 (0,82–2,19)	1,26 (0,74–2,15)	1,31 (0,78–2,32)

Примечание: значимость ***P <0,001; **P <0,005; *P <0,05.

Модель 1 с поправкой на демографические переменные (возраст и пол).

Модель 2 с поправкой на демографические и социально-экономические факторы (семейное положение, наличие детей, образование, материальное положение, тип поселения).

Модель 3 с поправкой на демографические, социально-экономические и связанные с работой факторы (наличие дополнительной работы, отрасль, профессиональная группа, продолжительность рабочей недели, тип предприятия).

Источник: рассчитано автором.

В табл. 1 представлены основные характеристики опрошенных. Средний возраст составляет 43,42 ($CO^1 = 10,6$) года, в диапазоне от 25 до 65 лет. Большинство респондентов являются женщинами (52,5%), имеют семейного партнера (72,2%), детей (80,7%), получили высшее образование (37%), проживают в областном центре (44,2%). Средняя самооценка материального положения по девятибалльной шкале составляет 4,19 ($CO = 1,3$). Пятая часть работников занята в образовании, науке, культуре, здравоохранении, социальном обслуживании (22,6%), почти столько же в промышленности (20,5%), в строительстве, транспорте, с/х, ЖКХ (22,3%), в торговле, бытовом обслуживании (18,4%). Десятая часть (11,3%) работает в органах управления, безопасности, армии, МВД. Четверть участников обследования относится к группе высококвалифицированных белых воротничков (25,8%), еще столько же – к группе белых воротничков средней и низкой квалификации (25,8%) и квалифицированных рабочих (25,5%). У большей части опрошенных рабочая неделя составляет 40 часов (45,5%), значительная часть (38,8%) работает более 40 часов. Более половины работников (55,2%) заняты на негосударственных предприятиях. Только у 3,6% есть дополнительная работа.

Факторы экономической незащищенности

Установлено, что экономическая незащищенность связана с такими факторами, как возраст работника, наличие у него детей, его образование, материальное положение, место проживания, наличие дополнительной работы, отрасль работы, профессиональная группа, к которой принадлежит работник, продолжительность его рабочей недели. Рассмотрим полученные результаты более подробно (см. табл. 2).

Наименьший риск ненадежности работы наблюдается для пожилых работников старше 60 лет ($OШ=0,64$ ДИ:0,44–0,94). Предыдущие исследования не обнаружили четкой связи между возрастом и ненадежностью работы [17]. Например, одно из них показало, что наблюдается негативное влияние пожилого возраста на предполагаемую ненадежность работы, но не во всех исследованных странах [30]. Авторы другого исследования установили, что молодой возраст снижает вероятность ненадежности работы [29]. Третье свидетельствует о том, что риск ненадежности работы снижается с возрастом [17]. Исследователи объясняют такую противоречивую связь между возрастом и ненадежностью работы тем, что потеря работы и для молодых, и для пожилых работников может быть менее пагубной, поскольку молодые люди

¹ В статьях, опубликованных на русском языке как правило сокращения также обозначают по-русски: SD-standard deviation как CO – стандартное отклонение, OR – odd ratios как OШ – отношение шансов, CI – confidence interval как ДИ – доверительный интервал.

немного дольше сохраняют свою «роль молодежи», в то время как пожилые люди могут подумать о досрочном выходе на пенсию.

Что касается неуверенности в возможности найти новую работу и финансовой незащищенности, то здесь наблюдается иная связь: чем старше работники, тем больше они ощущают невозможность трудоустройства (ОШ=2,13 ДИ:1,54–2,95 для людей 50–59 лет и ОШ=3,82 ДИ:2,57–5,67 для людей в возрасте 60 и старше) и опасаются ухудшения своего материального положения (ОШ=1,81 ДИ:1,08–3,04 для людей 50–59 лет и ОШ=2,19 ДИ:1,21–3,95 для людей в возрасте 60 и старше). Предыдущие исследования показали аналогичное влияние возраста на воспринимаемую способность к трудоустройству (например, [2; 44]), что объясняется наличием эйджизма или фаворитизма в отношении молодых работников на рынке труда, устаревшими навыками пожилых работников. Предикторы финансовой незащищенности изучены недостаточно [27]. Исследования, которые удалось найти, показывают, что возраст отрицательно связан с беспокойством о своих финансах (например, [12]).

Наличие/отсутствие детей теоретически может воздействовать на экономическую незащищенность двояким образом [40]. С одной стороны, наличие детей является фактором социальной поддержки, особенно для пожилых людей, и может выступать в качестве важнейшего личного ресурса в условиях экономических потрясений [3]. С другой стороны, родители могут испытывать более высокий стресс и тревогу, особенно если у них есть дети младшего возраста [38]. Кроме того, в странах с высоким уровнем бедности увеличение размера семьи может означать увеличение экономического бремени. Проведенное исследование показало, что работники, у которых нет детей, с меньшей вероятностью испытывают неуверенность в возможности найти новую работу (ОШ=0,71 ДИ:0,56–0,89).

Чем ниже уровень образования, тем выше риск ненадежности работы (ОШ=1,24 ДИ:1,00–1,55 для низшего образования) и невозможности трудоустройства (ОШ=1,35 ДИ:1,07–1,70 для низшего образования и ОШ=1,28 ДИ:1,03–1,58 для среднего). Аналогичный результат был получен другими исследователями (например, [18; 19; 29; 30]). Квалификация считается ключевой переменной, предсказывающей возможность трудоустройства [4; 46].

Установлено, что чем выше материальное положение, тем ниже экономическая незащищенность (ОШ=0,81 ДИ:0,76–0,86 для ненадежности работы, ОШ=0,79 ДИ:0,74–0,84 для невозможности найти работу, ОШ=0,54 ДИ:0,49–0,59 для финансовой незащищенности). Однако в данном случае причинно-следственные связи трудно проследить. Результаты согласуются с полученными ранее данными, свидетельствующими о том, что незащищенность на рынке труда связана с переживанием финансового стресса [42].

Проживающие в сельской местности и в городах, не являющихся областными центрами, чувствуют себя более экономически незащищенными по сравнению с жителями областных центров. Для них повышается риск ненадежности работы (ОШ=1,66 ДИ:1,38–1,99 для города и ОШ=1,79 ДИ:1,47–2,18 для села) и неуверенности в возможности найти новую работу (ОШ=1,27 ДИ:1,05–1,53 для города и ОШ=2,42 ДИ:1,99–2,96 для села).

Не все отрасли экономической деятельности одинаково стабильны. Установлено, что самыми экономически незащищенными работниками являются занятые в промышленности. Для них наблюдается двукратный риск восприятия невозможности найти работу по сравнению с занятыми в образовании, науке, культуре, здравоохранении, социальном обслуживании (ОШ=2,01 ДИ:1,52–2,65). Они же опасаются ухудшения своего финансового положения (ОШ=1,66 ДИ:1,11–2,48). Не уверены в том, что смогут найти новое место работы так же занятые в органах управления, в органах безопасности, в армии, МВД (ОШ=1,55 ДИ:1,15–2,08); в торговле, бытовом обслуживании (ОШ=1,52 ДИ: 1,12–2,05); в строительстве, на транспорте, с/х, ЖКХ (ОШ=1,36 ДИ:1,03–1,79); в других отраслях (ОШ=1,86 ДИ:1,23–2,83). Зарубежные исследователи также отмечают уязвимость работников промышленного сектора в связи с тем, что шансы восстановить работу в этом секторе ниже из-за его сокращения [29].

Что касается профессиональной группы, то можно было бы ожидать, что работники, относящиеся к белым воротничкам, с большей вероятностью имеющие более высокое образование, менее уязвимы к экономической незащищенности. Однако проведенное исследование показало, что более уверенно, по сравнению с высококвалифицированными белыми воротничками, себя чувствуют квалифицированные рабочие, для которых наблюдаются меньший риск ненадежности работы (ОШ=0,71 ДИ:0,54–0,94), невозможности трудоустройства (ОШ=0,68 ДИ:0,51–0,90) и финансовой незащищенности (ОШ=0,61 ДИ:0,40–0,92). Риск невозможности трудоустройства ниже для неквалифицированных рабочих (ОШ=0,67 ДИ:0,46–0,96). Риск финансовой незащищенности ниже для работников торговли и бытового обслуживания (ОШ=0,54 ДИ:0,35–0,84) и белых воротничков средней и низкой квалификации (ОШ=0,62 ДИ:0,44–0,87). Полученные результаты отличаются от предыдущих исследований [30], показавших большую уязвимость голубых воротничков, что, вероятно, объясняется особенностями рынка труда в России.

Исследование влияния продолжительности рабочей недели на экономическую незащищенность дало противоречивые результаты. По сравнению с теми, кто работает 40 часов в неделю, менее склонны ощущать ненадежность работы занятые неполную рабочую неделю (менее 40 часов) (ОШ=0,70 ДИ:0,55–0,88) и сверх стандартной рабочей недели (более 40 часов) (ОШ=0,80 ДИ:0,67–0,95), что согласуется

с результатами, полученными в другом исследовании [15]. Аналогичные результаты для работающих более 40 часов в неделю, которые реже чувствуют невозможность трудоустройства (ОШ=0,74 ДИ:0,62–0,89). Согласно предположениям исследователей [15], переменную, характеризующую продолжительность рабочей недели/рабочего дня, сложно интерпретировать, поскольку она может просто отражать разные типы людей с разными предпочтениями. При этом работающие более 40 часов в неделю чаще испытывают финансовую незащищенность (ОШ=1,70 ДИ:1,31–2,19). Возможно, здесь наблюдается обратная взаимосвязь: неуверенные в своем будущем материальном положении люди вынуждены больше работать.

Наличие дополнительной работы выступает защитным фактором против экономической незащищенности. При этом негативное влияние отсутствия дополнительной работы на ненадежность работы было статистически значимым (ОШ=1,62 ДИ:1,09–2,41), что вполне ожидаемо.

Пол работника, семейное положение, занятость на государственном/негосударственном предприятии не оказывали влияния на экономическую незащищенность работников, что частично было подтверждено другими исследованиями (например, [30]).

Связь между здоровьем и экономической незащищенностью

Проведенный анализ показал, что экономическая незащищенность связана с физическим и психическим здоровьем (см. табл 2.).

Если рассматривать аспекты экономической незащищенности по отдельности, на плохое здоровье существенно статистически значимый эффект оказывает финансовая незащищенность: риск плохого здоровья возрастает более чем в два раза для тех работников, которые полагают, что их финансовое положение ухудшится в ближайшие 12 месяцев (ОШ=2,24 ДИ:1,15–4,36 (Модель 3)). Эта связь между плохим здоровьем и финансовой незащищенностью частично опосредуется социально-экономическими факторами и характеристиками, связанными с работой (при учете этих групп факторов (Модель 2 и Модель 3 соответственно) эффект финансовой незащищенности на самооценку здоровья снизился, но сохранил статистическую значимость).

Возникновение депрессии и нервных расстройств, напротив, сильно связано со страхом потери работы и невозможности найти новую. Риск психических расстройств повышается в 2 раза, если работник воспринимает свою работу как ненадежную (ОШ=1,84 ДИ:1,22–2,76 (Модель 3)), и в 1,6 раза, если он не уверен в возможности найти новую работу (ОШ=1,63 ДИ:1,13–2,35 (Модель 3)).

Результаты согласуются с данными, полученными ранее другими авторами. Чаще всего исследователи сосредотачивают внимание на изучении ненадежности работы. Доказано, что она является стрессо-

ром, который положительно коррелирует с ухудшением психического самочувствия, самооценкой здоровья, а также с различными физическими жалобами, такими как ишемическая болезнь сердца, и даже со смертностью [6; 7; 11; 22; 23; 24; 25; 26; 28]. Метаанализы и обзоры литературы подтверждают негативное влияние воспринимаемой ненадежности работы не только на здоровье, но и на субъективное благополучие, эффективное функционирование на работе и профессиональные результаты (например, [9; 14; 41]).

Появляется все больше литературы, в которой обсуждаются пагубные последствия финансовой незащищенности. Ожидание ухудшения своего финансового положения в течение следующего года оказывает негативное влияние на психическое здоровье [3; 21; 34].

Связь невозможности трудоустройства со здоровьем менее изучена. Тем не менее исследования, которые удалось найти, свидетельствуют о том, что воспринимаемая способность к трудоустройству положительно связана с общим состоянием здоровья и психическим благополучием, но не связана с физическими жалобами [4]. Люди с более высокой способностью к трудоустройству чаще сообщают о лучшем здоровье и самочувствии через год.

Можно привести несколько возможных объяснений связи между экономической незащищенностью и здоровьем [25]. Прежде всего человек, который боится потерять работу или опасается ухудшения своего материального положения в будущем, испытывает эмоции, которые могут навредить здоровью. Кроме того, экономическая незащищенность может снизить веру человека в его/ее способности контролировать свое собственное будущее. Это личное убеждение, также известное как чувство контроля, является важной детерминантой здоровья. Еще один путь, посредством которого экономическая незащищенность может повлиять на здоровье, заключается в семейной жизни. Например, люди, обеспокоенные стабильностью своей работы, могут быть «более агрессивными и враждебными, менее способными к общению, более напряженными и вспыльчивыми». Таким образом, снижается качество семейных отношений, что «может иметь пагубные последствия для здоровья» работников [25].

В то время как предполагаемая ненадежность работы может рассматриваться как стрессор, воспринимаемая возможность трудоустройства потенциально полезна в качестве механизма выживания. То есть возможность трудоустройства выступает в роли посредника между ненадежностью работы и ее различными последствиями [13]. Хорошие перспективы трудоустройства могут смягчить негативные последствия отсутствия гарантии занятости [33]. Лица, которые с объективной точки зрения больше рискуют остаться без работы, чаще субъективно боятся потерять работу. Воспринимаемая возможность

трудоустройства усиливает чувство контроля над карьерой [16], что особенно важно во времена отсутствия надежности работы.

Заключение

Проведенное исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, из-за перекрестного дизайна исследования нельзя сделать никаких выводов о причинно-следственной связи. Например, как было показано, экономическая незащищенность оказывает воздействие на здоровье, но может наблюдаться и обратное направление связи. Кроме того, причинность не обязательно может быть односторонней. Очевидно, что между экономической незащищенностью и здоровьем может существовать двунаправленная связь: экономическая незащищенность оказывает негативное влияние на здоровье, тем самым еще более усугубляя экономическую незащищенность. Во-вторых, как и во многих других исследованиях, мы полагаемся на самоотчеты, полученные в ходе опросов населения. Это означает, что неизмеренные характеристики респондентов могут определять их ответы на вопросы об их предполагаемой незащищенности и об их проблемах со здоровьем, например, создавая ложную связь между ними. Однако, как было показано [21], «субъективные элементы экономической незащищенности оказывают более сильное негативное влияние на здоровье, чем используемые объективные показатели». В-третьих, возможно, что в связи с отсутствием необходимых данных наше исследование учитывает не все факторы, которые могли бы как оказать влияние на экономическую незащищенность, так и объяснить связь между экономической незащищенностью и здоровьем (например, зарубежные исследования установили, что временные контракты связаны с более высоким уровнем экономической незащищенности (например, [19; 29]), социальная поддержка выступает в качестве буфера между здоровьем и отсутствием гарантий занятости, финансовой незащищенностью [3]).

Несмотря на эти ограничения, проведенное исследование имеет важное значение, так как предоставляет важные результаты, свидетельствующие о том, что значительная часть работников в России страдает от экономической незащищенности, что подвергает их повышенному риску ухудшения здоровья. Учитывая, что экономическая незащищенность, вероятно, будет только нарастать, следует принимать превентивные меры, направленные на уменьшение экономической незащищенности, которые, например, могут включать оказание помощи работникам в поддержании и повышении их возможности трудоустройства. Если работник уверен, что он сможет найти новое место занятости в случае потери своей работы, негативные последствия субъективно воспринимаемой неуверенности в работе будут уменьшены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения 22 февраля 2022).
2. *Akkermans J., Tims M., Beijer S., De Cuyper N.* Should employers invest in employability? Examining employability as a mediator in the HRM–commitment relationship // *Frontiers in psychology*. 2019. Vol. 10. P. 717.
3. *Alcover C.-M., Salgado S., Nazar G., Ramírez-Vielma R., González-Suhr C.* Job insecurity, financial threat and mental health in the COVID-19 context: The buffer role of perceived social support // *medRxiv*. 2020.07.31.20165910.
4. *Berntson E., Marklund S.* The relationship between perceived employability and subsequent health // *Work & Stress*. 2007. Vol. 21(3). Pp. 279–292.
5. *Bossert W., D’Ambrosio C.* Measuring Economic Insecurity // *International Economic Review*. 2013. Vol. 54(3). Pp. 1017–1030.
6. *Bracci A., Riva E.* Perceived Job Insecurity and Anxiety. A Multilevel Analysis on Male and Female Workers in European Countries // *Front Sociol*. 2020. Vol. 5. P. 573–549.
7. *Burgard S.A., Brand J.E., House J.S.* Perceived job insecurity and worker health in the United States // *Soc. Sci. Med*. 2009. Vol. 69. Pp. 777–785.
8. *Catalano R.* The health effects of economic insecurity // *Am J Public Health*. 1991. Vol. 81(9). Pp. 1148–1152.
9. *Cheng G., Chan D.* Who suffers more from job insecurity? A meta-analytic review // *Appl. Psychol*. 2008. Vol. 57. Pp. 272–303.
10. *Chou E.Y., Parmar B.L., Galinsky A.D.* Economic Insecurity Increases Physical Pain // *Psychol Sci*. 2016. Vol. 27(4). Pp. 443–454.
11. *Cottini E., Ghinetti P.* Employment insecurity and employees’ health in Denmark // *Health Econ*. 2018. Vol. 27. Pp. 426–439.
12. *De Bruijn E.-J., Antonides G.* Determinants of Financial Worry and Rumination // *Behavioral & Experimental Finance*. 2020. Vol. 76. Pp. 102–233.
13. *De Witte H., De Cuyper N., Vander Elst T., Vanbelle E., Niesen W.* Job insecurity: review of the literature and a summary of recent studies from Belgium // *Romanian Journal of Applied Psychology*. 2012. Vol. 14 (1). Pp. 11–17.
14. *De Witte H., Pienaar J., De Cuyper N.* Review of 30 years of longitudinal studies on the association between job insecurity and health and well-being: is there causal evidence? // *Aust. Psychol*. 2016. Vol. 51. Pp. 18–31.
15. *Erlinghagen M.* Self-Perceived Job Insecurity and Social Context: Are There Different European Cultures of Anxiety? Discussion Papers of DIW Berlin 688. DIW Berlin. German Institute for Economic Research. 2007.
16. *Fugate M., Kinicki A. J., Ashforth B.* Employability: A psycho-social construct, its dimensions, and applications // *Journal of Vocational Behavior*. 2004. Vol. 65(1). Pp. 14–38.
17. *Ištoňová L., Fedáková D.* Predictors and consequences of job insecurity: Comparison of Slovakia and Estonia // *Studies of Transition States and Societies*. 2015. Vol. 7(3). Pp. 21–37.

18. Ito J.K., Brotheridge C.M. Exploring the predictors and consequences of job insecurity's components // *Journal of Managerial Psychology*. 2007. Vol. 22(1). Pp. 40–64.
19. Kirves K., De Cuyper N., Kinnunen U., Nätti J. Perceived job insecurity and perceived employability in relation to temporary and permanent workers' psychological symptoms: a two samples study // *Int Arch Occup Environ Health*. 2011. Vol. 84(8). Pp. 899–909.
20. Kong N., Osberg L., Zhou W. The shattered “Iron Rice Bowl”: Intergenerational effects of Chinese State-Owned Enterprise reform // *Journal of Health Economics*. 2019. Vol. 67.
21. Kopasker D., Montagna C., Bender K. Economic Insecurity: A Socioeconomic Determinant of Mental Health // *SSM-Population Health*. 2018. Vol. 6. Pp. 184–194.
22. Låstad L., Näswall K., Berntson E., Seddigh A, Sverke M. The roles of shared perceptions of individual job insecurity and job insecurity climate for work- and health-related outcomes: A multilevel approach // *Economic and Industrial Democracy*. 2018. Vol. 39(3). Pp.422–438.
23. László K.D., Pikhart H., Kopp M.S., Bobak M., Pajak A., Malyutina S., Salavec G., Marmot M. Job insecurity and health: A study of 16 European countries // *Soc Sci Med*. 2010. Vol. 70. Pp. 867–519.
24. Llosa J.A., Menéndez-Espina S., Agulló-Tomás E., Rodríguez-Suárez J. Job insecurity and mental health: A meta-analytical review of the consequences of precarious work in clinical disorders // *Anales Psicol*. 2018. Vol. 34. Pp. 211–223.
25. Lübke C. How self-perceived job insecurity affects health: Evidence from an age-differentiated mediation analysis // *Economic and Industrial Democracy*. 2021. Vol. 42(4). Pp. 1105–1122.
26. Meltzer H., Bebbington P., Brugha T., Jenkins R., McManus S., Stansfeld S. Job insecurity, socio-economic circumstances and depression // *Psychol Med*. 2010. Vol. 40(8). Pp. 1401–1407.
27. Mgwegwe F., Macdonald M., Lim H., Heckman S. Determinants of financial worry. DOI: 10.13140/RG.2.2.26901.96481. 2020.
28. Milner A., Aitken Z., Kavanagh A., La Montagne A.D., Petrie D. Persistent and contemporaneous effects of job stressors on mental health: a study testing multiple analytic approaches across 13 waves of annually collected cohort data // *Occupat. Environ. Med*. 2016. Vol. 73. Pp. 787–793.
29. Muñoz de Bustillo R., de Pedraza P. Determinants of job insecurity in five European countries. *European // Journal of Industrial Relations*. 2010. Vol. 16(1). Pp. 5–20.
30. Näswall K., De Witte H. Who Feels Insecure in Europe? Predicting Job Insecurity from Background Variables // *Economic and Industrial Democracy*. 2003. Vol. 24(2). Pp. 189–215.
31. Osberg L. Economic Insecurity. SPRC Discussion Paper 88. Social Policy Research Centre. University of New South Wales. Sydney. Australia. 1998.
32. Osberg L. Economic Insecurity and Well-being. United Nations. Department of economic and social affairs. DESA Working Paper No. 173 ST/ESA/2021/DWP/173. 2021.
33. Otterbach S., Sousa-Poza A. Job insecurity, employability and health: an analysis for Germany across generations // *Applied Economics*. 2016. Vol. 48(14). Pp. 1303–1316.
34. Rajani N.B., Giannakopoulos G., Filippidis F.T. Job insecurity, financial difficulties and mental health in Europe // *Occup Med (Lond)*. 2016. Vol. 66(8). Pp. 681–683.

35. *Ranci C., Beckfield J., Bernardi L., Parma A.* New Measures of Economic Insecurity Reveal its Expansion Into EU Middle Classes and Welfare States // *Soc Indic Res.* 2021. Vol. 20. Pp. 1–24.
36. *Richiardi M.G., Zhechun H.* Measuring economic insecurity: A review of the literature. CeMPA WP 120. 2020.
37. *Rohde N., Tang K.K., Osberg L., Rao P.* Is it vulnerability or economic insecurity that matters for health? // *Journal of Economic Behavior Organization.* 2017. Vol. 134(C). Pp. 307–319.
38. *Skreden M., Skari H., Malt U.F., Pripp A.H., Björk M.D., Faugli A., Emblem R.* Parenting stress and emotional wellbeing in mothers and fathers of preschool children // *Scandinavian Journal of Public Health.* 2012. Vol. 40. Pp. 596–604.
39. *Staudigel M.* A soft pillow for hard times? Economic insecurity, food intake and body weight in Russia // *J Health Econ.* 2016. Vol. 50. Pp. 198–212.
40. *Suut N., Mohamad A. A. N., Jamaluddin J. S. J., Ting C. H., Amin N. H. S., Mohd Aris Fadillah M. A. R. A., Arabi Z.* Understanding the Impacts of Lockdown during COVID-19 Pandemic on Financial Threat and Psychological Response among Sarawak Adults // *Ulum Islamiyyah.* 2021. Vol. 33(3). Pp. 45–57.
41. *Sverke M., Hellgren J., Naswall K.* No security: a meta-analysis and review of job insecurity and its consequences // *J. Occupat. Health Psychol.* 2002. Vol. 7. Pp. 242–264.
42. *Turner J.B., Kessler R.C., House J.S.* Factors facilitating adjustment to unemployment: implications for intervention // *Am J Community Psychol.* 1991. Vol. 19(4). Pp. 521–542.
43. *United Nations.* World Economic and Social Survey 2008 – Overcoming Economic Insecurity. Department of Economic and Social Affairs. New York. 2008.
44. *Van der Heijden B. I. J. M.* Prerequisites to guarantee life-long employability // *Personnel Review.* 2002. Vol. 31. Pp. 44–61.
45. *Watson B., Osberg L., Phipps S.* Economic Insecurity and the Weight Gain of Canadian Adults: A Natural Experiment Approach // *Canadian Public Policy.* 2016. Vol. 42(2). Pp. 115–131.
46. *Wittekind A., Raeder S., Grote G.* A longitudinal study of determinants of perceived employability // *Journal of Organizational Behavior.* 2010. Vol. 31(4). Pp. 566–586.

REFERENCES

1. Russia Longitudinal Monitoring survey HSE. National Research University Higher School of Economics and ZAO “Demoscope” together with Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill and the Institute of Sociology RAS. [Electronic resources]. Available at: <http://www.hse.ru/rlms>. (Accessed 22.02.2022). (In Russ.).
2. *Akkermans J., Tims M., Beijer S., De Cuyper N.* Should employers invest in employability? Examining employability as a mediator in the HRM–commitment relationship // *Frontiers in psychology.* 2019. Vol. 10. P. 717.
3. *Alcover C.-M., Salgado S., Nazar G., Ramírez-Vielma R., González-Suhr C.* Job insecurity, financial threat and mental health in the COVID-19 context: The buffer role of perceived social support // *medRxiv.* 2020.07.31.20165910.
4. *Berntson E., Marklund S.* The relationship between perceived employability and subsequent health // *Work & Stress.* 2007. Vol. 21(3). Pp. 279–292.
5. *Bossert W., D’Ambrosio C.* Measuring Economic Insecurity // *International Economic Review.* 2013. Vol. 54(3). Pp. 1017–1030.

6. *Bracci A., Riva E.* Perceived Job Insecurity and Anxiety. A Multilevel Analysis on Male and Female Workers in European Countries // *Front Sociol.* 2020. Vol. 5. Pp. 573–549.
7. *Burgard S.A., Brand J.E., House J.S.* Perceived job insecurity and worker health in the United States // *Soc. Sci. Med.* 2009. Vol. 69. Pp. 777–785.
8. *Catalano R.* The health effects of economic insecurity // *Am J Public Health.* 1991. Vol. 81(9). Pp. 1148–1152.
9. *Cheng G., Chan D.* Who suffers more from job insecurity? A meta-analytic review // *Appl. Psychol.* 2008. Vol. 57. Pp. 272–303.
10. *Chou E.Y., Parmar B.L., Galinsky A.D.* Economic Insecurity Increases Physical Pain // *Psychol Sci.* 2016. Vol. 27(4). Pp. 443–454.
11. *Cottini E., Ghinetti P.* Employment insecurity and employees' health in Denmark // *Health Econ.* 2018. Vol. 27. Pp. 426–439.
12. *De Bruijn E.-J., Antonides G.* Determinants of Financial Worry and Rumination // *Behavioral & Experimental Finance.* 2020. Vol. 76. Pp. 102–233.
13. *De Witte H., De Cuyper N., Vander Elst T., Vanbelle E., Niesen W.* Job insecurity: review of the literature and a summary of recent studies from Belgium // *Romanian Journal of Applied Psychology.* 2012. Vol. 14 (1). Pp. 11–17.
14. *De Witte H., Pienaar J., De Cuyper N.* Review of 30 years of longitudinal studies on the association between job insecurity and health and well-being: is there causal evidence? // *Aust. Psychol.* 2016. Vol. 51. Pp. 18–31.
15. *Erlinghagen M.* Self-Perceived Job Insecurity and Social Context: Are There Different European Cultures of Anxiety? Discussion Papers of DIW Berlin 688. DIW Berlin. German Institute for Economic Research. 2007.
16. *Fugate M., Kinicki A. J., Ashforth B.* Employability: A psycho-social construct, its dimensions, and applications // *Journal of Vocational Behavior.* 2004. Vol. 65(1). Pp. 14–38.
17. *Ištoňová L., Fedáková D.* Predictors and consequences of job insecurity: Comparison of Slovakia and Estonia // *Studies of Transition States and Societies.* 2015. Vol. 7(3). Pp. 21–37.
18. *Ito J.K., Brotheridge C.M.* Exploring the predictors and consequences of job insecurity's components // *Journal of Managerial Psychology.* 2007. Vol. 22(1). Pp. 40–64.
19. *Kirves K., De Cuyper N., Kinnunen U., Nätti J.* Perceived job insecurity and perceived employability in relation to temporary and permanent workers' psychological symptoms: a two samples study // *Int Arch Occup Environ Health.* 2011. Vol. 84(8). Pp. 899–909.
20. *Kong N., Osberg L., Zhou W.* The shattered "Iron Rice Bowl": Intergenerational effects of Chinese State-Owned Enterprise reform // *Journal of Health Economics.* 2019. Vol. 67.
21. *Kopasker D., Montagna C., Bender K.* Economic Insecurity: A Socioeconomic Determinant of Mental Health // *SSM-Population Health.* 2018. Vol. 6. Pp. 184–194.
22. *Låstad L., Näswall K., Berntson E., Seddigh A, Sverke M.* The roles of shared perceptions of individual job insecurity and job insecurity climate for work- and health-related outcomes: A multilevel approach // *Economic and Industrial Democracy.* 2018. Vol. 39(3). Pp. 422–438.
23. *László K.D., Pikhart H., Kopp M.S., Bobak M., Pajak A., Malyutina S., Salavec G., Marmot M.* Job insecurity and health: A study of 16 European countries // *Soc Sci Med.* 2010. Vol. 70. Pp. 867–519.

24. Llosa J.A., Menéndez-Espina S., Agulló-Tomás E., Rodríguez-Suárez J. Job insecurity and mental health: A meta-analytical review of the consequences of precarious work in clinical disorders // *Anales Psicol.* 2018. Vol. 34. Pp. 211–223.
25. Lübke C. How self-perceived job insecurity affects health: Evidence from an age-differentiated mediation analysis // *Economic and Industrial Democracy.* 2021. Vol. 42(4). Pp. 1105–1122.
26. Meltzer H., Bebbington P., Brugha T., Jenkins R., McManus S., Stansfeld S. Job insecurity, socio-economic circumstances and depression // *Psychol Med.* 2010. Vol. 40(8). Pp. 1401–1407.
27. Mguegwe F., Macdonald M., Lim H., Heckman S. Determinants of financial worry. DOI: 10.13140/RG.2.2.26901.96481.2020.
28. Milner A., Aitken Z., Kavanagh A., La Montagne A.D., Petrie D. Persistent and contemporaneous effects of job stressors on mental health: a study testing multiple analytic approaches across 13 waves of annually collected cohort data // *Occupat. Environ. Med.* 2016. Vol. 73. Pp. 787–793.
29. Muñoz de Bustillo R., de Pedraza P. Determinants of job insecurity in five European countries. *European Journal of Industrial Relations.* 2010. Vol. 16(1). Pp. 5–20.
30. Näswall K., De Witte H. Who Feels Insecure in Europe? Predicting Job Insecurity from Background Variables // *Economic and Industrial Democracy.* 2003. Vol. 24(2). Pp. 189–215.
31. Osberg L. Economic Insecurity. SPRC Discussion Paper 88. Social Policy Research Centre. University of New South Wales. Sydney. Australia. 1998.
32. Osberg L. Economic Insecurity and Well-being. United Nations. Department of economic and social affairs. DESA Working Paper No. 173 ST/ESA/2021/DWP/173. 2021.
33. Otterbach S., Sousa-Poza A. Job insecurity, employability and health: an analysis for Germany across generations // *Applied Economics.* 2016. Vol. 48(14). Pp. 1303–1316.
34. Rajani N.B., Giannakopoulos G., Filippidis F.T. Job insecurity, financial difficulties and mental health in Europe // *Occup Med (Lond).* 2016. Vol. 66(8). Pp. 681–683.
35. Ranci C., Beckfield J., Bernardi L., Parma A. New Measures of Economic Insecurity Reveal its Expansion Into EU Middle Classes and Welfare States // *Soc Indic Res.* 2021. Vol. 20. Pp. 1–24.
36. Richiardi M.G., Zhechun H. Measuring economic insecurity: A review of the literature. CeMPA WP 120. 2020.
37. Rohde N., Tang K.K., Osberg L., Rao P. Is it vulnerability or economic insecurity that matters for health? // *Journal of Economic Behavior Organization.* 2017. Vol. 134(C). Pp. 307–319.
38. Skreden M., Skari H., Malt U.F., Pripp A.H., Björk M.D., Faugli A., Emblem R. Parenting stress and emotional wellbeing in mothers and fathers of preschool children // *Scandinavian Journal of Public Health.* 2012. Vol. 40. Pp. 596–604.
39. Staudigel M. A soft pillow for hard times? Economic insecurity, food intake and body weight in Russia // *J Health Econ.* 2016. Vol. 50. Pp. 198–212.
40. Suut N., Mohamad A. A. N., Jamaluddin J. S. J., Ting C. H., Amin N. H. S., Mohd Aris Fadillah M. A. R. A., Arabi Z. Understanding the Impacts of Lockdown during COVID-19 Pandemic on Financial Threat and Psychological Response among Sarawak Adults // *Ulum Islamiyyah.* 2021. Vol. 33(3). Pp. 45–57.
41. Sverke M., Hellgren J., Naswall K. No security: a meta-analysis and review of job insecurity and its consequences // *J. Occupat. Health Psychol.* 2002. Vol. 7. Pp. 242–264.

42. Turner J.B., Kessler R.C., House J.S. Factors facilitating adjustment to unemployment: implications for intervention // *Am J Community Psychol.* 1991. Vol. 19(4). Pp. 521–542.
43. *United Nations. World Economic and Social Survey 2008 – Overcoming Economic Insecurity.* Department of Economic and Social Affairs. New York. 2008.
44. Van der Heijden B. I. J. M. Prerequisites to guarantee life-long employability // *Personnel Review.* 2002. Vol. 31. Pp. 44–61.
45. *Watson B., Osberg L., Phipps S. Economic Insecurity and the Weight Gain of Canadian Adults: A Natural Experiment Approach // Canadian Public Policy.* 2016. Vol. 42(2). Pp. 115–131.
46. *Wittekind A., Raeder S., Grote G. A longitudinal study of determinants of perceived employability // Journal of Organizational Behavior.* 2010. Vol. 31(4). Pp. 566–586.

Дата поступления рукописи: 31.03.2022 г.

ABOUT THE AUTHOR

Kislitsyna Olga Anatolievna – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
olga.kislitsyna@gmail.com

ECONOMIC INSECURITY OF THE WORKING POPULATION: CAUSES AND RELATION TO HEALTH

The article is devoted to identifying the most economically vulnerable groups of working Russians and assessing the impact of economic insecurity on their physical and mental health. Economic insecurity is defined as a state of uncertainty and unpredictability with regard to employment and financial well-being and is measured by such aspects as perceived job insecurity, inability to find employment and financial insecurity. The information base of the study is the data of the Russian Longitudinal Monitoring Survey, round of 2019. Statistical analysis was based on SPSS logistics regression models.

Keywords: *economic insecurity, job insecurity, employability, financial insecurity, self-rated health, depression, predictors, RLMS.*

JEL: I1, J2, C21.